

ДИСТИНКЦИОНИСТСКОЕ ПОНЯТИЕ КАТЕГОРИИ У Г. РАЙЛА*

Е.В. Борисов

Статья посвящена методу категориального повседневного анализа языка Г. Райла. Показано, что его главной новацией является дистинкционистское понятие категории, исключающее возможность категориальной идентификации. Эта особенность метода Райла рассматривается как основание его проекта «преодоления метафизики».

Ключевые слова: понятие, категория, метод

В программной статье 1938 г. «Категории» [1] Г. Райл разрабатывает нетривиальное семантическое понятие категории, которое лежит в основе детальной критики ряда новоевропейских философов, развернутой в его главных работах «Понятие сознания» [2] и «Дилеммы» [3]. Райл не использует термин «метафизика» как общее наименование классической философии, однако масштабность его критических работ позволяет рассматривать его творчество как один из образцовых для философии первой половины XX в. проектов «преодоления метафизики». Специфика Райлова понятия категории и ее критический потенциал являются темой данной статьи.

Главная новация статьи «Категории» – *метод категориального анализа языка*, который Райл противопоставляет учениям о категориях Аристотеля и Канта. Минимальная общность, объединяющая все концепции Аристотеля, Канта и Райла и позволяющая локализовать их в одном проблемном поле, состоит в постановке вопроса о возможности предложения (суждения). Однако смысл этого вопроса и, соответственно, основания для ответа на него различаются у них весьма существенно.

Аристотель ставит и решает этот вопрос на основе определенной классификации терминов (имен вещей, свойств и отношений, т.е. индивидов и классов), в которой высшие роды получают наименование

* Работа выполнена при поддержке Совета по грантам Президента РФ, грант НШ-5887.2008.6 на поддержку ведущей научной школы «Томская онтологическая школа».

«категория». Соответственно, Аристотелев список категорий задает классификацию всех возможных суждений (как приписывающих вещи некоторое качество, величину, место, время и т.п., иными словами, как отвечающих на вопросы «какой», «сколько», «где», «когда» и т.п.). То есть для Аристотеля сфера возможных суждений очерчена высшими родами терминов (субъектных и предикатных имен), и, таким образом, он отвечает на вопрос о *содержательной* определенности сферы возможных суждений.

Таблица категорий Канта очерчивает сферу возможных суждений в *формальном* аспекте, отражая логическую структуру суждения в четырех измерениях, каковыми являются: количество (если говорить современным языком, то речь идет о кванторе или, в случае единичных предложений, о его отсутствии), качество (утверждение, отрицание и не прижившаяся в логике «бесконечность»), отношение (между субъектом и предикатом или между простыми предложениями в дизъюнктивном и имплицативном сложном предложении) и модальность (когнитивный статус предложения как гипотетического, ассерторического или аподиктического). То есть двенадцати категорий Канта, по его замыслу, достаточно для полного описания логической формы любого возможного суждения.

Райл ставит вопрос о границе сферы возможных предложений более общо – как вопрос о конституции смысла, которая первоначально дает о себе знать в различии между осмысленными и бессмысленными (значимыми и абсурдными) предложениями. Этот подход тематизирует как содержательные, так и формальные аспекты смысла, что имеет следствием прежде всего расширение сферы применения категориального анализа. В самом деле, если Аристотель применял категориальный анализ только к терминам, а Кант – к формальным характеристикам суждения и если оба претендовали на создание *конечного и исчерпывающего* списка категорий, то Райл: 1) оставляет открытым список категорий терминов, допуская потенциально бесконечное разнообразие категориальных различий между ними; 2) расширяет (и опять же оставляет открытой) сферу формальных элементов предложения; 3) включает в сферу категориального анализа любые комбинации значимых для смысла частей предложения, а также целые предложения (любого уровня сложности). Для обозначения языковых выражений, допускающих категориальную характеристику (т.е. для обозначения сферы применения категориального анализа, включающей в себя как термины, так и фор-

мальные элементы предложений) Райл использует термин «пропозициональный фактор», который можно определить как конститутивный элемент пропозиции [4], или как часть предложения, выделяемую по чисто логическим основаниям. Чтобы избежать проблем, порождаемых понятием пропозиции в прагматическом контексте [5], мы ниже будем вместо термина «*пропозициональный фактор*» использовать термин «*выражение*» в значении существенной для смысла части предложения. Например, в предложении «некоторые собаки пушисты и игривы» в качестве выражений выступают три термина – «собака», «пушистый» и «игривый», квантор «некоторые», логический союз «и», а также любая их комбинация и, наконец, все это предложение в целом (которое может выступать как часть более сложного предложения). Теперь мы можем предварительно определить задачу Райлова метода категориального анализа как выявление логических связей между языковыми выражениями, обуславливающих осмысленность или бессмысленность конкретных предложений, или, если использовать его собственную метафору, как наблюдение за «логическим поведением» выражений, которое проявляется в продуцировании смысла или абсурда в контексте того или иного предложения.

Здесь стоит заметить, что, по Райлу, конституция смысла (категориальный строй языка) представляет собой единственный «предмет» философии и, соответственно, все философские высказывания суть «категориальные высказывания» и наоборот [6]. Иначе говоря, «категориальные высказывания» суть единственный «продукт» философского исследования. Забегая вперед, уточним, что «категориальные высказывания» могут иметь только форму категориального различия между двумя определенными языковыми выражениями, т.е. форму «выражения *a* и *b* категориально различны».

Рассмотрим *принципиальную новацию* предложенного Райлом метода категориального анализа, которая, на мой взгляд, дает возможность рассматривать его как один из репрезентативных проектов постметафизического мышления начала XX в. Она состоит в том, что данный метод позволяет проводить категориальные *различия* между выражениями, но не позволяет осуществить их категориальную *идентификацию*. Иначе говоря, он позволяет доказывать утверждения формы «выражения *a* и *b* категориально различны (принадлежат к разным категориям)», но не позволяет устанавливать категориальную идентичность выражений, т.е. доказывать, что какие бы то ни было два выражения принадлежат к одной категории.

Метод, таким образом, применяется к *парам выражений* и действует следующим образом. Для выражений *a* и *b* произвольно подбирается контекст – незавершенное предложение, т.е. предложение с пробелом, который может быть заполнен одним из этих выражений. Обозначим такой контекст буквой *K*. При подстановке выражений *a* или *b* на место пробела в контексте *K* мы получаем завершенные предложения *Ka* и *Kb*. Выражения *a* и *b* считаются категориально различными, если одно из предложений *Ka* и *Kb* является осмысленным, а другое – абсурдным. Например, при подстановке выражений «Иван» и «суббота» в контекст «...лежит в постели» на место многоточия мы получаем предложения «Иван лежит в постели» и «суббота лежит в постели», первое из которых осмысленно, а второе – абсурдно. Это позволяет утверждать, что выражения «Иван» и «суббота» категориально различны. Однако нельзя аналогичным образом показать категориальную идентичность выражений *a* и *b*: если предложения *Ka* и *Kb* оказываются оба осмысленными или оба абсурдными, это может означать, что мы еще не нашли критического контекста, который выявил бы категориальное различие между данными выражениями. Иначе говоря, для того чтобы провести категориальное различие, достаточно найти один критический контекст, тогда как для категориального отождествления двух выражений необходимо перебрать *все* грамматически допустимые контексты, что, очевидно, невозможно.

На мой взгляд, Райл дает этому тезису неудачную иллюстрацию. В качестве примера он рассматривает выражения «Я» и «автор этой статьи», где «Я» указывает на Гилберта Райла, а под «этой статьей» подразумевается его статья «Категории». На первый взгляд, эти выражения синонимичны (как минимум в экстенциональном смысле) и, во всяком случае, категориально однородны. Но, по мнению Райла, это впечатление ошибочно: «выражения “Я” и “автор этой статьи” могут быть взаимозаменяемыми элементами многих значимых предложений, но ими обоими нельзя заполнить пропуск в высказывании “...не написал ни одной статьи”» [7]. Здесь, очевидно, подразумевается, что если высказывание «я не написал ни одной статьи» является *осмысленным* (даже если оно ложное) в устах любого индивида, то высказывание «автор этой статьи не написал ни одной статьи» является *абсурдным*. На мой взгляд, последний пункт этого рассуждения некорректен: предложение «автор этой статьи не написал ни одной статьи» не *абсурдно*, но *противоречиво* (его противоречивый элемент можно сфор-

мулировать так: «существует человек, который написал эту статью и не писал этой статьи»). Но противоречивость как безусловная *ложность* возможна только для осмысленных предложений, коль скоро осмысленность означает наличие истинностного значения. Более того, если противоречивые предложения считать бессмысленными, то теряет смысл само понятие категории, поскольку в этом случае *категориальное* различие сводится к различию *семантическому*. В самом деле, пусть имена *x* и *y* имеют сколь угодно близкие, но не совпадающие референции («Иван» и «Петр», «3» и «5», «этот стол» и «тот стол»...); если трактовать противоречие как абсурд, то при всем их семантическом родстве между ними всегда можно провести категориальное различие, используя контекст «... не есть *x*», поскольку предложение «*x* не есть *x*» противоречиво. Поэтому если мы различаем категориальные и семантические характеристики выражения (а представляется очевидным, что для Райла, как и для программы логического анализа языка вообще, это различие существенно), то мы не должны использовать противоречие как критерий категориального различия [8]. Однако некорректность иллюстрации не отменяет самого тезиса о невозможности категориальной идентификации, поскольку для его обоснования достаточно аргумента от бесконечности класса возможных (грамматически корректных) контекстов для любой пары выражений.

Чтобы акцентировать новизну этой тематизации категорий, проведем аналогию с биологической таксономией: если бы она была организована подобным образом, то для некоторых пар особей было бы возможно установить, что они «относятся к разным видам», но ни для одной пары особей мы не могли бы доказать, что они «принадлежат к одному виду». Из этого следует, что в рамках такой «таксономии» были бы невозможны идентификационные предложения типа «это кролик», «Жучка – собака» и т.п., а значит, и сами таксономические понятия любого уровня, такие как «кролик», «грызун», «млекопитающие»... Все, чем располагала бы такого рода «таксономия», – это определенный метод проведения различия между особями, которое даже нельзя назвать «межвидовым» в обычном смысле, поскольку мы не можем идентифицировать различаемые виды. Поэтому в данном абзаце термины «вид», «таксон» и т.п., а также выражение «относиться к (разным видам или одному виду)» взяты в кавычки: они представляют собой не более чем фигуру речи, как и термины «категория» или «логический тип» у Райла. Невозможность идентификации категорий

не позволяет указать на «ту или иную категорию» как некоторый определенный предмет и тем самым сделать ее предметом мысли и речи. Единственное, что дает метод Райла, – это тематизация некоторого специфического различия между выражениями (зависящего от дистинкции осмысленности и абсурдности), которое, в силу его релевантности вопросу о границах сферы возможных предложений, получило наименование категориального. Позволю себе резюмировать метод Райла следующей формулой: *категорий не существует; существуют только категориальные различия*. Это делает понятным принципиальный отказ Райла от построения пусть даже сколь угодно неполного списка категорий по образцу Аристотеля и Канта: дело не в том, что такой список было бы невозможно завершить, – дело в том, что его невозможно *начать*.

В этом пункте Райл, таким образом, занял новаторскую и радикальную позицию – более радикальную, чем, например, во многом конгениальный ему Дж. Остин. Так, Остин считал возможным идентифицировать все возможные «способы употребления языка» (а значит, и все возможные формы осмысленности/абсурдности и, соответственно, все категории): «Философы склонны говорить о бесконечном количестве таких способов, остановившись в их подсчете приблизительно на числе семнадцать. Однако если бы имело место даже десять тысяч способов, нас ничто не могло бы лишить возможности перечислить их все до одного» [9]. В свете сказанного ясно, что Райл не относится к ленивым исследователям, для которых «много» – это все, что больше семнадцати: дистинкционистская трактовка категории делает абсурдной саму постановку вопроса о количестве категорий, а вместе с тем она делает абсурдным как финитистский, так и инфитистский ответ [10].

Для постметафизической философии этот тезис имеет конститутивное значение, поскольку указывает на принципиальную фактичность значения языковых выражений, что означает: 1) в негативном плане – отказ от понимания категории как универсалии (высшего рода в аристотелевском смысле или всеобщей формы суждения – в кантовском); 2) в позитивном плане – тематизацию категориального строя языка как открытого множества различий между выражениями, обнаруживаемых только *в конкретных единичных контекстах*. Современный немецкий исследователь Т. Ренч обозначает предельное основание анализа языка у Райла как «ситуационное смысловое априори» [11]. Имеется в виду, что «элементарные ситуации обычного мира» в конечном счете определяют, является ли то или иное предложение осмысленным,

и, таким образом, представляют собой тот «критерий абсурда», о котором Райл спрашивает в заключительном пассаже «Кате-горий» [12]. Фундированность смысла предложения в фактичных ситуациях речевой деятельности означает невозможность определить «категориальную принадлежность» выражения как его универсальное (демонстрируемое во всех возможных контекстах) семантическое свойство. Категориальное существует только в форме категориального различия между конкретными выражениями в конкретных контекстах.

В проектах «преодоления метафизики», представленных в аналитической философии начала и середины XX в., центральную роль играет очищение онтологии от избыточных «сущностей» – устранение неиспользуемых знаков в «Логико-философском трактате» Витгенштейна, понятия существования как предиката в учении Карнапа о языковых каркасах, понятия самотождественности в онтологии Куайна и т.д. По моему мнению, одна из типологических характеристик этих проектов может быть определена в терминах Райла как *категориальное неразличение*, приводящее к *реификации* категорий и, как следствие, к постулированию избыточных квазисущностей.

Рассмотрим применение онтологической «бритвы Оккама» на примере картезианской трактовки сознания как «мыслящей субстанции», которая существует наряду с «протяженной субстанцией» и определенным образом взаимодействует с ней. По мнению Райла, онтологическая аналогия между «субстанциями» базируется на мнимой логической аналогии между такими предложениями, как «снег бел» и «Джон умен», т.е. на категориальном отождествлении физического свойства «белый цвет» и ментального свойства «разумность». Действительно, если принять точку зрения Аристотеля, можно квалифицировать данные предикаты как относящиеся к одному «высшему роду» – категории качества, а если встать на позицию Канта, то оба предложения имеют одни и те же формально-категориальные характеристики: являются утвердительными, единичными, простыми и ассерторическими и т.д. Однако это впечатление содержательного родства и формального тождества данных предложений представляет собой одну из «языковых ловушек»: оно порождается их грамматическим изоморфизмом, который скрывает различие их логических структур. Логическое различие между данными предложениями и, соответственно, категориальное различие между предикатами «бел» и «умен», можно эксплицитировать в двух аспектах.

1. Предикат «умен» является диспозициональным предикатом, т.е. означает не постоянное, но ситуационно зависимое свойство – диспозицию, проявляющуюся в определенных ситуациях. Логическая специфика диспозициональных предикатов состоит в том, что они представляют собой свернутую импликацию. Предложение «Джон умен» в развернутом виде гласит: «если Джону предложить интеллектуальную задачу, он с ней справится» [13]. Соответственно, чтобы убедиться в том, что снег бел, достаточно одноразового наблюдения; для того же, чтобы установить, умен ли Джон, необходим ряд наблюдений: диспозиция – это статистическая закономерность.

2. Субъект (в логическом смысле) ментальных диспозиций – «сознание», «душа», «личность», «человек» и т.п. имеет особый онтологический статус, обусловленный логико-эпистемологической спецификой предложений с ментальными предикатами. По мысли Райла, в повседневном языке ментальные термины первоначально приписываются отдельным человеческим действиям, а затем, в результате индуктивного обобщения, формируются суждения о поведении того или иного индивида в целом. Так, тезис «Джон умен»: а) базируется на квалификации некоторых *отдельных действий* Джона как разумных (например, как эффективных в достижении поставленных им целей и не порождающих нежелательных для него побочных эффектов); б) характеризует его *поведение в целом* в том смысле, что мы можем ожидать от него разумных действий и в дальнейшем. Здесь важно иметь в виду, что когда мы говорим о таких квазипредметах, как сознание, сфера ментального, личность и т.п., мы, по Райлу, говорим *только* о поведении того или иного индивида, и, таким образом, термин *сознание*, не должен расширять нашу онтологию, т.е. не должен вводить дополнительную «ментальную» сущность наряду с человеческим индивидом и его действиями (поведением). Сознание – это набор поведенческих диспозиций.

Категориальное отождествление ментальных диспозиций и постоянных свойств (или диспозиций и событий и т.п.), основанное на грамматическом изоморфизме предложений «снег бел» и «Джон умен», порождает, по мнению Райла, «парамеханическую» трактовку сознания как «субстанции», т.е. как некоторой непротяженной, а значит, ненаблюдаемой эмпирически квазивещи. Иначе говоря, картезианская философия сознания базируется на реифицирующем понимании поведения,

что порождает ряд неустрашимых концептуальных апорий, которые со времен Декарта являются «вечными» философскими проблемами. В частности, *субстанциальность* сознания и его *недоступность наблюдению извне* порождают репрезентативные для метафизической философии сознания проблемы: психофизическую проблему и проблему интерсубъективности.

Трактовка сознания как квазивещи порождает вопрос о взаимодействии между сознанием и телом (вещью мыслящей и протяженной), получивший стандартное наименование *психофизической проблемы*. Ее неразрешимость обусловлена тем, что у сознания и тела нет общих свойств, которые позволяли бы описать взаимодействие между ними. Но если иметь в виду, что субстанциалистское понятие сознания представляет собой реифицированное понятие поведения, то сама постановка вопроса о такого рода взаимодействии оказывается абсурдной, поскольку *действие* человека не может состоять в каузальном отношении с *агентом этого действия*, – так же абсурдно было бы ставить вопрос, например, о взаимодействии между водой и ее течением.

Невидимость сознания, т.е. невозможность наблюдать чужое сознание, порождает *проблему интерсубъективности* – своего рода «скандал философии» в смысле невозможности убедительно доказать тезис об одушевленности другого. Предпосылкой проблемы является представление об эпистемологической асимметрии собственного и чужого сознания (интроспекции и понимания другого): если переживания моего собственного сознания даны мне в интроспекции вполне адекватно, то о содержании переживаний другого я могу только догадываться по их внешним проявлениям, причем эти догадки обречены на недоверие. Иначе говоря, речь идет об эпистемологической идее «привилегированного доступа» каждого индивида к «своему собственному» сознанию, которая имеет онтологический эквивалент в оппозициях своего и другого, внутреннего и внешнего и т.п. [14].

С точки зрения Райла, идея «привилегированного доступа» (и, соответственно, асимметрия «внутреннего» и «внешнего», «собственного» и «чужого» и т.п.) некорректна в силу категориальной специфики сознания: будучи характеристикой поведения, сознание является вполне публичным феноменом, так что «знание о себе» качественно ничем не отличается от «знания о других» [15]. Как и в случае психофизической проблемы, идея приоритета интроспекции базируется на категориальной

идентификации предмета и действия. Райловская формула метафизического мышления такова: метафизичность мысли – это постулирование избыточных сущностей как результат категориального неразличения.

Примечания

1. См.: *Ryle G. Categories // Proceedings of the Aristotelian Society. – 1937/1938. – V. 38.* В русском переводе: *Райл Г. Категории // Райл Г. Понятие сознания. – М., 2000. – С. 323–338.*

2. См.: *Райл Г. Понятие сознания. – М., 2000.*

3. *Ryle G. Dilemmas. The Turner Lectures 1953. – Cambridge, 1960.*

4. Райл рассматривает пропозицию как смысл предложения в чистом, идеализированном виде. Соответственно, для пропозиции несущественны все нелогические характеристики предложения (например, сформулирована ли она по-русски или по-английски), иногда для нее несущественны порядок слов, выбор синонимов и т.п. Таким образом, Райл отличает «пропозиционные факторы» как элементы пропозиций (proposition) от «сентенциональных факторов» как элементов предложений (sentence).

5. Подробнее об этом: *Куайн У.В.О. Философия логики. – М., 2008. – С. 7–31.*

6. *Райл Г. Категории. – С. 337.* Это определение философии можно рассматривать как общее для значительного числа представителей аналитической традиции.

7. *Райл Г. Категории. – С. 335.*

8. Возможность сведения категориального различия к семантическому является одним из оснований критики райловского понятия категории у П. Стросона. По мнению Стросона, некоторая неоднозначность экспликации понятия категории у Райла позволяет интерпретировать его таким образом, что оказывается возможным провести категориальное различие между выражениями «и» и «или», «29» и «31», «круглое» и «квадратное», «отец» и «мать» и т.п. [см.: *Strawson P.F. Categories // Ryle: A Collection of Critical Essays / Ed. by O.P. Wood, G. Pitcher/ – N.Y.: Doubleday, 1970. – С. 185*]. На мой взгляд, запрет на использование противоречия в качестве критерия категориального различия в значительной степени устраняет эту неоднозначность.

9. *Остин Дж. Перформативные высказывания // Остин Дж. Три способа пролить чернила: Философские работы. – СПб., 2006. – С. 263–264.*

10. Впрочем, словоупотребление у Райла не вполне последовательно. Лингвистические стереотипы, предполагающие возможность идентифицирующего указания на категорию, сохраняются во многих его пассажах, таких как определение категориальной ошибки: «Теория представляет факты... так, как если бы они принадлежали к одному логическому типу или категории (или же к ряду логических типов и категорий), в то время как они принадлежат к совершенно другому» [*Райл Г. Понятие сознания. – С. 26*].

11. *Rentsch Th. Heidegger und Wittgenstein: Existential- und Sprachanalysen zu den Grundlagen philosophischer Anthropologie. – Stuttgart, 2003. – S. 109.*

12. «Но каковы критерии абсурда?» [*Райл Г. Категории. – С. 338*].

13. Конечно, в такого рода предложениях всегда подразумевается ряд дополнительных условий: например, сфера интеллектуальной деятельности, в которой Джон умен (можно быть сообразительным в настольных играх и туповатым в семейной жизни), уровень сложности предполагаемых интеллектуальных задач (успешное решение задач на сложение двузначных чисел может говорить о сообразительности первоклассника и ничего

не говорит о математических способностях взрослого), допустимый процент ошибок (даже самые разумные люди имеют право на ошибку) и т.п.

14. Этот ход мысли образцово представлен в концепции интерсубъективности Э. Гуссерля. В пятом «Картезианском размышлении» Гуссерль, описывает механизм конституирования феномена *alter ego* посредством «аналогизирующего переноса» – переноса характеристик собственного сознания на другого [см.: Гуссерль Э. Картезианские размышления. СПб., 1998. – С. 182–232]. В основе «неокартезианской» теории интерсубъективности Гуссерля лежит солипсистское противопоставление собственного Я как *первичной* данности и другого Я как данности *производной*.

15. По мнению Райла, эпистемологическое различие между знанием о себе и знанием о других имеет чисто количественный характер: собственное поведение мы наблюдаем практически постоянно, тогда как поведение другого – лишь от случая к случаю. Поэтому мне представляется неверным критический тезис Д. Дэвидсона: «Райл не признает и не объясняет эту асимметрию» [*Davidson D. First person authority // Davidson D. Subjective, Intersubjective, Objective. – Oxford, 2001. – С. 6*]. Райл признает эту асимметрию как факт, имеющий место в большинстве случаев, и объясняет ее тем, что знание о себе как индуктивное знание о поведении базируется на большем массиве наблюдаемых фактов.

Борисов Е.В.,
кандидат философских наук,
доцент кафедры истории философии
и логики,
Томского государственного университета,
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Тел. (382) 2529610 (рабочий)
Факс: (382) 2529895
Email: evgeny_borisov@mail.ru

Borisov, E.V. Distinctionist concept of category in G. Ryle's philosophy

The paper considers the method of categorial analysis of everyday language developed by G. Ryle. Shown that a distinctionist concept of category which excludes the possibility of categorial identification is the main innovation of this method. This feature of Ryle's method is treated as a basis of his project of «elimination of metaphysics».

Keywords: conception, category, method